

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ – ТОРМОЗ РЕАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ РАСПАДА СССР)

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором Института экономики РАН, Москва, Россия (kirdina@inecon.ru).

Аннотация. Теоретический синтез в общественных науках означает «перезагрузку» и адаптацию научного знания в соответствии с меняющимися социальными условиями. С этой точки зрения в статье проанализировано состояние политической экономии социализма и советской социологии как главных составных частей марксистского обществоведения в СССР. Показано, что, несмотря на неоднократно предпринимаемые представителями обеих дисциплин попытки критического анализа традиционных понятий, введения новых категорий и концептуальных дополнений, в них не произошло существенных методологических изменений и не состоялся необходимый теоретический синтез. «Застывшая методология» этих наук стала основным тормозом для адекватного выполнения ими своих общественных функций, прежде всего прогностической и преобразовательной. Распад СССР, таким образом, автор связывает в значительной степени с отставанием советских общественных наук от потребностей социально-экономического развития.

Ключевые слова: методология социологии • советская социология • теоретический синтез • СССР • политическая экономия социализма

DOI: 12346

По поводу известного исторического события – официально анонсированного 8 декабря¹ и завершённого уже 25 декабря 1991 г., когда флаг СССР над Кремлем был спущен навсегда, – вряд ли утихнут споры. Масштаб случившегося – позже его назовут «геополитической катастрофой» – поразил воображение даже тех, кто ожидал и приветствовал его. Этот масштаб определяет и многозначность причин, приведших к распаду СССР. Многие из них уже проанализированы в статьях, опубликованных в журнале «Социологические исследования» на эту тему. Среди них – разрыв между элитами и населением и связанное с этим непонимание руководством страны фактической ситуации [Тощенко, 2021], неготовность политического руководства к проведению необходимых преобразований [Симонян 2021], рост этнического национализма в республиках СССР [Дробижина, 2021] и многое другое.

Мы дополним список возможных причин распада СССР теми, которые проистекают из роли общественных наук в социально-экономическом развитии и возвращают нас к ответственности представителей научного сообщества за то, что происходит в стране. Эти причины – недостаточная глубина научных разработок советского обществоведения: недостаточная, чтобы объяснить и предвидеть ход социально-экономического развития, анализировать его драйверы и пределы. Попробуем показать, как «застывшая методология» выступает тормозом научного знания, из-за которого оно перестает быть «реальной

¹ В этот день в 1991 г. президенты России, Украины и Председатель Верховного Совета Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Беловежское соглашение), где зафиксировали, «что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

производительной силой». Для этого исследуем роль обновления методологии и теоретического синтеза в научном знании, покажем, чем он вызывается, почему необходим и как проявляется в современных науках об обществе. Выявим барьеры на пути обновления методологии общественных наук в СССР и проанализируем причины того, почему не состоялся необходимый теоретический синтез. Мы остановимся на политической экономике социализма и социологии. Выбор именно данных наук связан с тем, что, во-первых, они были основными взаимосвязанными частями советского обществоведения и базировались на общей методологии. Во-вторых, именно эти дисциплины, как правило, вносят наибольший вклад в обеспечение руководящих политических и экономических структур научной социальной информацией.

О роли теоретического синтеза в развитии общественных наук. Под теоретическим синтезом, о котором далее пойдет речь, мы понимаем такой этап развития научного знания, когда в ходе интеграции существующих и новых направлений (доктрин, концепций) в науке происходит существенное, этапное переосмысление принятых ранее теоретико-методологических положений с учетом новых данных. В общественных науках новые данные связаны, как правило, с появлением (распространением) социально-экономических феноменов, которые ранее или не наблюдались, или не имели массового характера, или не предвиделись.

Задача теоретического синтеза «состоит в том, чтобы на основе соединения, казалось бы, противоположных по содержанию исследовательских программ разработать более общую ...теорию, отражающую изменения, произошедшие в экономике [и обществе. – Прим. С.К.-Ч.], результаты новейших теоретических исследований, а также все позитивное, что содержится в предшествующих концепциях» [Никифоров, 2014]. Каждый раз это – своего рода «момент истины» для дисциплин, которые «не могут смириться с собственной неразвитостью» [Carrigan, 2014] и предпринимают усилия по обновлению методологической программы. Результатом является «прекращение методологической борьбы» [Вудфорд, 2010: 18] между конкурирующими концепциями и формирование обобщающего их нового теоретического направления.

Примерами такого синтеза в общественных науках могут служить неоклассический синтез 1940–1960-х гг. и новый неоклассический синтез 1990-х гг. в рамках неоклассической экономической теории, которые стали важными этапами в развитии ортодоксального экономического мейнстрима западных стран. Первый теоретический синтез стал реакцией экономической теории на Великую депрессию, которая показала неадекватность предположений о роли рынка как исчерпывающего экономического регулятора. В результате в основание неоклассических теорий были включены положения доктрины Дж.М. Кейнса о необходимости государственных интервенций для сглаживания циклического развития капиталистической экономики. Второй (или новый) неоклассический синтез возник как ответ экономической теории на неизвестное ранее явление стагфляции, когда стагнация экономики и рост инфляции происходили одновременно. Для его объяснения возникло новое теоретическое направление, объединившее представления из теории реального делового цикла с методами моделирования новой макроэкономики и принявшее гипотезу рациональных ожиданий экономических агентов. Разработанные в его рамках динамические стохастические модели общего равновесия оказались более адекватными для анализа условий и факторов экономического роста.

В социологии такого рода теоретический синтез явно не выражен. В ней сохраняется независимое сосуществование трех основных парадигм (структурного функционализма, социального конфликта и символического интеракционизма), определяющих разнообразие социологических взглядов и предлагающих альтернативные объяснения развития общества и социальных процессов. При конкуренции этих парадигм рост «теорий, методологий и предметных/эмпирических областей в социологии не привел к консенсусу относительно того, что такое социология или как генерировать совокупные знания» [Mears, Stafford, 2002: 5], что не позволяет увидеть завершенные примеры социологического

теоретического синтеза. Однако его попытки имеют место в ходе постоянно предпринимаемых «поворотов» социологии в сторону различных наук², которые были отмечены в российской [Романовский, 2009; Кравченко, 2012: 9] и зарубежной [Urry, 2005; Carrigan, 2014] литературе. Несмотря на их количество (М. Карриган уже 7 лет назад насчитывал 47 таких «поворотов»), большинство из них имеют так называемый перформативный характер [Carrigan, 2014] и не приводят к радикальному обновлению корпуса основных социологических предпосылок. Следствием являются теоретический и методологический кризисы в социологии (см., напр., [Szelenyi, 2015]), недостаточная разработанность адекватных для современных условий и центральных для социологии основных концептов, в частности, концепта «общество» [Walby, 2021], а также «ловушка плюрализма», когда отвергается сама идея существования социологии как единой социальной науки.

В то же время объективная потребность теоретического синтеза в общественных науках, включая социологию, находит свое выражение в становлении многочисленных стыковых дисциплин. На это указывает появление различных социальных и гуманитарных наук с приставкой «социальная» или «социо-»: «социальная психология», «социальная география», «социолингвистика», «социоэкономика», «социобиология» и т.д. Также есть множество других направлений, где общественные науки «дружат» и выстраивают новые исследовательские программы, – это «историческая психология», «экономическая социология», «политическая психология», «культурная антропология» и т.д. Их становление связано с тем, что инструментарий, понятия и методы отдельных наук оказываются, по мнению исследователей, недостаточными, чтобы отразить постоянно растущую сложность изучаемого объекта. В рамках стыковых дисциплин осуществляются попытки разработать обновленную методологию, адекватную вызовам реальной практики. Разработка такой методологии и составляет содержание теоретического синтеза. Его роль состоит в том, чтобы «перенастраивать» научные направления в соответствии с общественными запросами и обеспечивать своевременное реагирование социальных теорий на происходящие в обществе изменения.

Имел ли место такого рода теоретический синтез в общественных науках СССР? Основы и направления развития советского обществоведения были заложены еще В.И. Лениным, который в свое время писал: «...для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» [Ленин, 1967: 184]. Творческая разработка марксистских положений отечественными обществоведами не изменяла, однако, «идейный стержень» общественных наук, который окончательно сформировался в СССР в 1930-е гг. [Булыгина, 2000]. Его основу составили идеология марксизма-ленинизма и приверженность построению социализма и коммунизма как основной цели общественного развития.

По поводу идеологизации и несвободы советского обществоведения, призванного служить делу «социалистического строительства», написано много литературы. Их суть емко и кратко выразил известный исследователь в этой области Г.П. Федотов: общественные науки в СССР стали служебным понятием [Федотов, 1994]. Другими словами, советскому обществоведению предстояло решать не (с)только исследовательские, но и политические задачи «на службе» правящей коммунистической партии. Это было характерно как для политэкономии социализма, так и для социологии.

Как же происходило их развитие в СССР? Имел ли место в них теоретический синтез, отражающий методологическое обновление рассматриваемых наук в соответствии с потребностями меняющейся практики?

²Также имеет место встречная тенденция, когда иные науки «поворачиваются» в сторону социологии и «заимствуют ее теоретические и методологические открытия» [Cronin, 2005: 465], например, в информатике или лингвистике [Angelelli, 2014].

Политическая экономия социализма. В анализе советской экономической науки обратимся к одному из важнейших ее постулатов, который был зафиксирован, например, в работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1951): «Законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей». Было признано, что эти объективные законы партия и правительство могут лишь изучать и учитывать в своей деятельности, но не могут их отменить.

Прежде всего, таким объективным законом был сформулированный Марксом и формально разделявшийся всеми советскими политэкономистами закон о примате производительных сил (базиса) по отношению к производственным отношениям (надстройке), единство которых определяло способ производства и характер общественно-экономической формации: «На известной ступени своего развития производительные силы перерастают рамки данных производственных отношений и вступают с ними в противоречие. ...В силу этого старые производственные отношения раньше или позже сменяются новыми производственными отношениями, соответствующими достигнутому уровню развития и характеру производительных сил» [Политическая экономия, 1953: 10]³.

Но могла ли предполагаться смена общественно-экономической формации и, соответственно, замена надстройки в виде политической советской системы в СССР – «стране победившего пролетариата», строящей коммунизм? «В этих условиях тезис о примате производительных сил, которые непрерывно развиваются и рано или поздно должны были, следуя логике марксизма-ленинизма, изменить строй, – становился идеологически неприемлемым» [Кирдина, 2006: 32]. Было очевидно, что положение о пассивной, вторичной роли производственных отношений по отношению к базису (в виде производительных сил) требовало пересмотра. Это было тем более важно, поскольку фактически соответствовало активной роли руководящей коммунистической партии (надстройки) в проведении экономических преобразований и развитии производительных сил в стране. Говоря современным языком, перед политической экономией социализма встала задача теоретического синтеза – разработки методологии, которая позволила бы интегрировать позиции, по-разному определявшие соотношение базиса и надстройки в общественном развитии.

В политэкономической литературе тех лет мы видим попытки такого «синтеза», который, по сути, означал попытку реинтерпретации марксовской концепции. Приведем характерную цитату из работы крупнейшего советского экономиста тех лет К.В. Островитянова: «Политика советского государства, руководимого Коммунистической партией, согласно учению Ленина, является концентрированным выражением экономики и имеет примат над последней. Положение о примате политики над экономикой в социалистическом обществе ни в малейшей степени не противоречит и не отменяет основ исторического материализма и, в частности, того положения, что экономика является базисом человеческого общества, а политика, государство, право – надстройкой над базисом. Марксизм-ленинизм не рассматривает надстройку как нечто пассивное по отношению к базису – экономике. Наоборот, он признает активную роль надстроек, оказывающих огромное обратное влияние на экономику и производительные силы общества» [Островитянов, 1972: 84].

Приведенная цитата ярко показывает, что в условиях идеологического контроля над общественными науками необходимый теоретический «синтез» происходил не на деле, а лишь на словах. «Последовательное уточнение какого-либо официального идеологического положения приводило в конце концов или к отрицанию социалистического характера общества или к отрицанию соответствия официального положения марксизму» [Воейков, 2012: 28], поэтому отказываться от такой противоречивой и слишком абстрактной трактовки категорий производительных сил и производственных отношений оказалось невозможно.

Другим примером того, как не состоялся необходимый для развития политической экономии социализма теоретический синтез, служит известная дискуссия между «товарниками» и «нетоварниками» 1960-х гг. «Товарники» обосновывали объективный характер

³Подробнее о дискурсе в советской политэкономии на эту тему см.: [Нуреев, Ореховский, 2021].

развития товарно-денежных отношений при социализме – наиболее известной была группа Я.А. Кронрода в Институте экономики АН СССР. «Нетоварники» во главу угла ставили планомерность, полагая существование товарно-денежных отношений лишь временной фазой «на пути перехода к коммунизму» – эта позиция была представлена сотрудниками кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которой руководил Н.А. Цаголов. Дискуссия закончилась решением ЦК КПСС от 21.12.1971 г. «О работе партийной организации Института экономики Академии Наук СССР по выполнению постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве”», на основании которого «товарники» фактически оказались лишены возможности работать и печатать свои труды. «Этот разгром, в конечном счете, закрыл возможные альтернативные направления социально-экономического развития страны... Она [точка зрения «товарников» – С.К.-Ч.] призывала к новому пониманию социализма, открывала новые направления развития общественного строя, предлагала новую научную методологию – попытку сначала разобраться в существующих реалиях, их сформулировать, а затем искать научно обоснованные решения выявленных проблем» [Кузнецова, 2005: 46]. Другими словами, он являлся призывом к разработке обновленной методологии в политической экономии социализма. Но такой подход не был поддержан и реализован.

Данный подход не получил поддержки и при подготовке нового «послесталинского» учебника по политэкономии социализма. «Эту работу взялся делать Институт экономики АН СССР группой ученых во главе с Я.А. Кронродом. ...Но труд Института экономики так и не появился в печати» [Воейков, 2012: 39]. Зато в 1963 г. издали учебник политэкономии под редакцией Н.А. Цаголова – главного оппонента «товарников», где именно его версия была утверждена «в качестве официальной и единственной» [Дзарасов и др., 2004: 368]. Более того, за кафедрой Цаголова – единственной на пространстве бывшего СССР – устойчиво закрепилась идентификация «школы экономической методологии» [Шапиро, 2015]. Период методологического плюрализма, начавшийся в период «оттепели», быстро закончился. Тем самым закрылось и «окно возможностей» для теоретического синтеза и обновления методологии, так необходимых для развития политической экономии социализма.

Попытка обновления методологических категорий и выхода за пределы жестких и недостаточно эвристичных конструкций «производительных сил и производственных отношений», а также «планомерного социализма», вновь была предпринята в начале 1980-х гг. Академик Л.И. Абалкин в своей работе «Диалектика социалистической экономики» предложил включить в методологическую программу экономических исследований новую аналитическую категорию «на стыке известных категорий производительных сил и производственных отношений» – «организационно-экономические отношения» [Абалкин, 2000: 339]. Однако и эта попытка не получила развития. Политэкономия социализма в СССР даже в последние годы его существования не смогла выйти из роли «служебного понятия».

Полувековая история советской политэкономии позволяет увидеть картину поисков совершенствования исследовательской методологии в общественных науках и идентифицировать идеологические барьеры, на которые постоянно наталкивались эти поиски. Похожая ситуация имела место и в истории советской социологии.

Советская социология. История отечественной социологии начинается со второй половины XIX в., и уже к началу XX в. сложилась оригинальная российская социологическая школа, которая была одной из самых динамично развивающихся социологических школ того периода. Революция 1917 г. поначалу дала ее развитию новый импульс. Результатом стало создание в 1919 г. Социологического института, первой кафедры социологии в Петроградском государственном университете под руководством П. Сорокина (1920), введении социологии в качестве обязательного предмета преподавания не только в вузах, но и в средних школах страны, в возобновлении активной деятельности Российского социологического общества им. М.М. Ковалевского [Осипова, 2015]. Однако по мере становления социалистического государства социология в СССР постепенно свертывается,

а к 1930-м гг. полностью прекращает свое существование. В качестве общесоциологической теории утвердился исторический материализм, до конца 1950-х гг. он представлял собой единственную версию «советской социологии».

Исторический и диалектический материализм в ортодоксально-марксистском понимании формировали также основную методологию исследований социальных процессов. Она сохранила свое значение и после официального признания социологии как самостоятельной науки – после учреждения Советской социологической ассоциации (1958), образования в АН СССР Института конкретных социальных исследований (1968) и затем создания центров социологических исследований по всей стране.

Развитие социологии стало возможным при условии ее фокусировки на социологических *конкретных* исследованиях, в то время как роль *методологического* фундамента продолжала оставаться за марксистско-ленинской философией с присущей ей системой категорий. Этот компромисс был зафиксирован в статье «Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия» [Глезерман и др., 1971], вышедшей в знаменитом журнале «Коммунист». Статья официально подтвердила трехуровневую структуру социологии: верхним уровнем социологического знания (общесоциологической теорией) признавался исторический материализм, на втором уровне частных социологических теорий «располагались» разделы научного коммунизма, а на третьем – конкретные социологические исследования.

Тем не менее усложнение реалий и накопление проблем в развитии советского общества требовало от социологов разработки новых категорий и обновления методологии. Но, как и в политической экономии социализма, предпринимаемые попытки такого рода также не получали развития, что сдерживало необходимый теоретический синтез.

В качестве примера вспомним разработки Новосибирской социологической школы (НСШ), где была предложена новая аналитическая категория «социальный механизм развития экономики» – система факторов планового управления экономикой и факторов, не поддающихся прямому регулированию и связанных с интересами и экономическим поведением людей. Результаты, полученные в ходе применения обновленной методологии, как и сам категориальный аппарат, были представлены в докладе Т.И. Заславской «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» на Всесоюзном семинаре в апреле 1983 г. в новосибирском Академгородке (подробнее см.: [Кирдина, 2015: 19–20]). В докладе с грифом «Для служебного пользования» (цензура запретила его печать и рассылку по научным учреждениям страны) обосновывалось положение, что «сложившаяся в СССР система производственных отношений отстала от роста производительных сил и начала тормозить их дальнейшее развитие» [Заславская, 2007: 525]. Текст доклада неизвестным образом попал за рубеж и был предан широкой огласке. После этого Новосибирский обком КПСС обвинил руководство Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР в «антипартийной и антисоветской деятельности», вынеся выговоры по партийной линии Т.И. Заславской и директору института А.Г. Аганбегяну.

Конечно, это не остановило дальнейших исследований социального механизма развития экономики в рамках Новосибирской социологической школы, но существенно ограничило дискуссии и свободное обсуждение развития обновленной методологии, затормозив необходимый теоретический синтез в советской социологии.

Возможен ли был теоретический синтез, и выучены ли уроки? История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, и все же... Как было отмечено, теоретический синтез стимулируют, во-первых, новые факты и явления, попадающие в поле рассмотрения ученых, и, во-вторых, активные теоретические и методологические дискуссии между сторонниками различных подходов.

Очевидно, что новые явления, требовавшие научного осмысления, имели место. Одним из таких феноменов было развитие теневой социально-экономической сферы, где были заняты большие группы людей и в рамках которой создавались и перераспределялись

существенные объемы неучтенного общественного богатства. Эти неправовые практики в сфере труда и занятости были замечены многими политэкономками и социологами, но сделать их объектами научного исследования долго не представлялось возможным. Например, в своих мемуарах С.М. Меньшиков пишет, как с начала 1980-х гг. неоднократно предлагал научным и партийным функционерам создать структуры и проекты, посвященные изучению теневой экономики [Меньшиков, 2007: 242, 350], но этого так и не произошло, поскольку за это, образно говоря, могли «голову отрезать» [там же: 361]. А начатые в рамках НСШ исследования одного из явлений подобного рода – шабашничества (сезонной неорганизованной трудовой миграции) – были опубликованы только в период распада СССР [Шабанова, 1991]. Как видим, возникавшие новые явления с трудом включались в научный анализ.

А что же по поводу развития новых теоретических подходов? Поскольку внутри страны данный процесс был существенно ограничен, можно предположить, что необходимые теоретические новации могли быть заимствованы извне. Учитывая специфику советского обществоведения, опиравшегося на идеи Маркса и, прежде всего, исторический материализм, наиболее перспективными течениями для обмена идеями можно считать зарубежный марксизм и оригинальный институционализм. Однако марксизм (западный марксизм, пост-марксизм) с 1970-х гг. сам находился в кризисе. «Рецессия» марксизма выражалась в том, что на Западе «почти все марксисты... двигались в прямо противоположном от Маркса направлении» [Павлов, 2021: 76], а потому мало что могли дать советским «братьям по разуму». Что касается работ институционалистов (которых называли «социальными экономистами»), то за приверженность идеям улучшения капитализма их называли «наиболее злыми врагами рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии». Вышедший в СССР перевод книги Т. Веблена «Теория праздного класса» не содержал подзаголовка из американского издания «экономическое исследование институтов», а критика институционализма, начатая в работах И.Г. Блюмина еще в конце 1920-х гг., продолжалась все советское время (подробнее см.: [Кирдина, 2015]). Так что и эти возможности не были использованы советскими обществоведами для обновления используемой методологии и теоретического синтеза⁴.

Были ли барьеры теоретического синтеза, требовавшегося для развития общественных наук в СССР, связаны только с положением самих этих наук в социально-политической структуре страны? Очевидно, что идеологические установки и партийный контроль сковывали свободные дискуссии и не способствовали плюрализму доктрин и мнений – одному из условий обновления методологии и становления научного теоретического синтеза. Отстаивание учеными своих взглядов, отличных от «линии партии», угрожало не только профессиональной карьере, но в определенные периоды было и физически небезопасно. С другой стороны, не стоит забывать и о роли научных сообществ, порой готовых «подвергнуть длительной проработке» тех коллег, чьи взгляды отличались от общепринятых. Важна и позиция отдельных исследователей, которые нередко использовали свой «социальный капитал» для дискредитации коллег по дисциплине, имеющих альтернативные позиции и поддерживающих «сомнения в общепринятой мудрости и ее бесплодности» [Меньшиков, 2007: 460].

Из обзора «провалов» советского экономического и социологического обществоведения нужно извлечь важный методологический урок. Он состоит в том, что внимание к теоретическим предпосылкам исследования и к методологии в целом – это не просто «правила хорошего тона» в нашей науке. Ее постоянное совершенствование и актуальность не менее, а, возможно, и более важны, чем получение конкретных данных и проведение расчетов.

⁴Институционализм сыграл свою позитивную роль позже, уже в постсоветской России. Одним из свидетельств можно считать разработку теории институциональных X-Y-матриц, которая представляет собой результат теоретического синтеза ряда зарубежных и отечественных концепций [Кирдина, 2014: 34–41].

Развитие общественных наук в СССР с их «застывшей методологией» привело к тому, что ученые не смогли дать ответы на многие практически важные вопросы и способствовать тем самым решению в кризисные 1980-е гг. реальных социальных и экономических проблем. Поэтому есть и их (а значит и наша) доля ответственности за распад Советского Союза, о чем современным российским обществоведам не следует забывать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абалкин Л.И. Избранные труды в 4-х т. Т. 1. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000.
- Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР: 1945–1985 гг. 2-е изд. М.: МАДИ: ИГИ, 2000.
- Воейков М.И. Советская политическая экономия: оценки и переоценки. М.: ИЭ РАН, 2012.
- Вудфорд М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 17–30.
- Глезерман Г.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В. Исторический материализм – теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист. 1971. № 4. С. 60–70.
- Дзарасов С.С., Меньшиков С.М., Попов Г.Х. Судьба политической экономики и ее советского классика. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
- Дробижева Л.М. Опыт 1990-х и управление культурным многообразием // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 36–47. DOI: 10.31857/S013216250015254-2.
- Заславская Т.И. Избранное: в 3-х т. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: ЗАО «Экономика», 2007.
- Кирдина С.Г. «Блеск и нищета» политической экономики социализма (гипотеза, основанная на институциональном анализе российского общества) // Журнал экономической теории. 2006. № 2. С. 19–39.
- Кирдина С.Г. Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // Journal of Institutional Studies. 2015. № 2. С. 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: Введение в X-Y-теорию. 3-е изд. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–29.
- Кузнецова Т.Е. К истории Института экономики РАН (АН СССР): домьслы и реалии. М.: ИЭ РАН, 2005.
- Ленин В.И. Наша программа // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 4. М.: Полит. лит-ра, 1967. С. 182–186.
- Меньшиков С.М. О времени и о себе: Воспоминания. М.: Международные отношения, 2007.
- Никифоров А.А. Проблемы синтеза научных исследовательских программ: концептуальный аспект. 2014. URL: https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc (дата обращения: 12.02.2021).
- Нуреев Р.М., Ореховский П.А. Дискуссии вокруг основного производственного отношения в политической экономии социализма: когнитивный тупик 1970-х // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2.
- Осипова Н.Г. Социология в СССР. 2015 (URL: https://www.socio.msu.ru/index.php/o-факультете/социология-в-россии/247-sr_04 (дата обращения: 18.03.2021)).
- Островитянов К.В. Развитие Лениным экономического учения Маркса // Островитянов К.В. Избранные произведения в двух томах. Т. 1: Политическая экономия досоциалистических формаций. М.: Наука, 1972.
- Павлов А.В. Постмарксизм в социологии. Часть 1 // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4.
- Политическая экономия: Учебник. Изд. 2, доп. М.: Госполитиздат, АН: ИЭ, 1953.
- Романовский Н.В. Современная социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 26–35.
- Симонян Р.Х. Как можно было сохранить Советский Союз (Балтийский ракурс) // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 64–73. DOI: 10.31857/S013216250014595-7.
- Тощенко Ж.Т. Была ли рукотворной геополитическая катастрофа СССР? // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250014308-1.
- Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. статьи. СПб.: СПбУ, 1994.
- Шабанова М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск: Наука, Сибирск. отд., 1991.
- Шапиро Н.А. Ценности и смыслы научной школы Н.А. Цаголова // Проблемы современной экономики. 2015. № 3(55). С. 78–83.
- Angelelli C.V. (ed.) The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014.

- Carrigan M. Can We Have a 'Turn' to End All Turns? 2014. July 13. URL: <https://markcarrigan.net/2014/07/13/can-we-have-a-turn-to-end-all-turns/> (дата обращения: 09.07.2021).
- Cronin B. The Sociological Turn in Information Science // *Journal of Information Science*. 2008. Vol. 34. No. 4. P. 465–475. DOI: 10.1177/0165551508088944.
- Mears D.P., Stafford M.C. Central Analytical Issues in the Generation of Cumulative Sociological Knowledge // *Sociological Focus*. 2002. Vol. 35. No. 1. P. 5–24. DOI: 10.1080/00380237.2002.10571217.
- Paget H. Sociology: After the Linguistic and Multicultural Turns // *Sociological Forum*. 1995. Vol. 10. No. 4. P. 633–652.
- Szelenyi I. The Triple Crisis of Sociology // *Contexts*. 2015. April 20. URL: <https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology/> (дата обращения: ????????)
- Urry J. The Complexity Turn // *Theory, Culture & Society*. 2005. Vol. 22. No. 5. P. 1–14. DOI: 10.1177/0263276405057188.
- Walby S. Developing the Concept of Society: Institutional Domains, Regimes of Inequalities and Complex Systems in a Global Era // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69. No. 3. P. 315–332. DOI: 10.1177/0011392120932940.

Статья поступила: 07.08.21. Финальная версия: 18.10.21. Принята к публикации: 20.10.21.

FALSE THEORETICAL SYNTHESIS—THE BRAKE OF REAL PRACTICE METHODOLOGICAL NOTES ON THE DISSOLUTION OF THE USSR

KIRDINA-CHANDLER S.G.

Institute of Economics RAS, Russia

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER – Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher, Head of Sub-Division, Institute of Economics RAS, Moscow, Russia (kirdina@inecon.ru).

Abstract. Theoretical synthesis in scientific disciplines is when new doctrines, the necessary revision of basic premises and the renewal of methodology are integrated in already existing theoretical knowledge. The need for theoretical synthesis is determined by changes in real practice, which require adequate scientific analysis. From this point of view, the paper analyses the political economy of socialism and Soviet sociology, which (along with scientific communism) were the major elements of Marxist social science in the USSR. Accordingly, the common methodological basis of both the political economy of socialism and Soviet sociology were the ideas of Marxism-Leninism and the model of socialist society which was based on them. It is shown that, despite repeated attempts undertaken by representatives of both disciplines, to critically analyse the concepts used in this methodology and to introduce new categories and conceptual additions, there was no significant update of the methodology. Therefore, necessary theoretical synthesis, in the course of which a phased “reset” and adaptation of theoretical knowledge to changing social reality takes place, did not occur either in the political economy of socialism or in Soviet sociology. The hypothesis that the “frozen methodology” of these sciences became the main obstacle to the adequate performance of their social functions, primarily prognostic and transformative, is justified. Thus, we associate the dissolution of the USSR with, among other things, the lag of the Soviet social sciences to reflect the needs of the socio-economic development of the nation. This lag is based on failures in the development and application of an adequate integral methodology for analysing the problems which built up in the USSR and to identify solutions.

Keywords: Soviet sociology, theoretical synthesis, USSR, political economy of socialism.

REFERENCES

- Abalkin L.I. (2000) *Selected Works in Four Volumes*. Vol. 1. Moscow: NPO “Ekonomika”. (In Russ.)
- Angelelli C.V. (ed.) (2014) *The Sociological Turn in Translation and Interpreting Studies*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
- Bulygina T.A. (2000) *Social Sciences in the USSR: 1945–1985*. 2nd ed. Moscow: MAD: IGI. (In Russ.)
- Carrigan M. (2014) *Can We Have A 'Turn' to End All Turns?* July 13. URL: <https://markcarrigan.net/2014/07/13/can-we-have-a-turn-to-end-all-turns/> (accessed 09.07.2021).
- Cronin B. (2008) The Sociological Turn in Information Science. *Journal of Information Science*. Vol. 34. No. 4: 465–475. DOI: 10.1177/0165551508088944.
- Drobizheva L.M. (2021) 1990s' Experience and Cultural Diversity Management. *Sotsiologicheskaya issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 36–47. DOI: 10.31857/S013216250015254-2. (In Russ.)

- Dzarusov S.S., Menshikov S.M., Popov G.Kh. (2004) *The Fate of Political Economy and its Soviet Classic*. Moscow: Alpina Biznes Buks. (In Russ.)
- Fedotov G.P. (1994) *On Holiness, Intelligentsia and Bolshevism*. St. Petersburg: SPbU. (In Russ.)
- Glezerman G.E., Kelly V.J., Pilipenko N.V. (1971) Historical Materialism – the Theory and Methodology of Scientific Cognition and Revolutionary Actions. *Kommunist [Communist]*. No. 4: 60–70. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2006) “The Glory and the Poverty” of the Political Economy of Socialism (Institutional Analysis Hypothesis of the Russian Society). *Zhurnal Ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*. No. 2: 19–39. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y Theory*. 3rd ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2015) Institutionalism in Russia in 1930–2010s: An Inversion Cycle? *Journal of Institutional Studies*. No. 2: 6–37. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.2.006-037. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2012) Complex Socium: Need for the Turns in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 5: 19–29. (In Russ.)
- Kuznetsova T.E. (2005) *On the History of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (USSR Academy of Sciences): Conjectures and Realities*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1967) Our Prospectus. In: Lenin V.I. *Complete Works*. 5th ed. Vol. 4. Moscow: Polit. lit-ra: 182–186. (In Russ.)
- Mears D.P., Stafford M.C. (2002) Central Analytical Issues in the Generation of Cumulative Sociological Knowledge. *Sociological Focus*. Vol. 35. No. 1: 5–24. DOI: 10.1080/00380237.2002.10571217.
- Menshikov S.M. (2007) *About Time and Myself: Memories*. Moscow: Mezhdunarodnye otnocheniya. (In Russ.)
- Nikiforov A.A. (2014) *Problems of the Synthesis of Scientific Research Programs: A Conceptual Aspect*. URL: https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Article/x22/x6e/8814/file/Thesis_Nikiforov_Rudakova.doc (accessed 12.02.2021). (In Russ.)
- Nureev R.M., Orekhovsky P.A. (2021) Debates around the Basic Production Relationship in Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock in the 1970s. *Zhurnal Ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of Economic Theory]*. Vol. 18. No. 2: 185–196. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.2. (In Russ.)
- Osipova N.G. (2015) *Sociology in the USSR*. URL: https://www.socio.msu.ru/index.php/o-факультете/социология-в-россии/247-sr_04 (accessed 10.03.2021)
- Ostrovityanov K.V. (1972) Development of the Economic Doctrine of Marx by Lenin. In: Ostrovityanov K.V. *Selected Works in Two Volumes*. Vol. 1: Political Economics of Presocialist Formations. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Paget H. (1995) Sociology: After the Linguistic and Multicultural Turns. *Sociological Forum*. Vol. 10. No. 4: 633–652.
- Pavlov A.V. (2021) Post-Marxism in Sociology. Part 1. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 4: 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014310-4. (In Russ.)
- Political Economy*. (1953) Textbook. Second, revised ed. Moscow: Gospolitizdat, AN: IE. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2009) Contemporary Sociology – Determinants of Changes. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 12: 26–35. (In Russ.)
- Shabanova M.A. (1991) *Seasonal and Permanent Migration of the Population in the Rural Area: A Comprehensive Sociological and Statistical Study*. Novosibirsk: Nauka, Sibirsk. otd. (In Russ.)
- Shapiro N.A. (2015) Values and Significations of N.A. Tsagolov Academic School in the Context of Historical Relativism. *Problemy sovremennoy ekonomiki [Problems of Modern Economics]*. No. 3(55): 78–83. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2021) How the Soviet Union Could be Preserved (Baltic angle). *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8: 64–73. DOI: 10.31857/S013216250014595-7. (In Russ.)
- Szelenyi I. (2015) *The Triple Crisis of Sociology*. April 20. URL: <https://contexts.org/blog/the-triple-crisis-of-sociology> (accessed ??????).
- Toshchenko Zh.T. (2021) Was the Geopolitical Catastrophe of the USSR Man-Made? *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250016071-1. (In Russ.)
- Urry J. (2005) The Complexity Turn. *Theory, Culture & Society*. 2005. Vol. 22. No. 5: 1–14. DOI: 10.1177/0263276405057188.
- Voeikov M.I. (2012) *Soviet Political Economy: Estimates and Reassessments*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
- Walby S. (2021) Developing the Concept of Society: Institutional Domains, Regimes of Inequalities and Complex Systems in a Global Era. *Current Sociology*. Vol. 69. No. 3: 315–332.
- Woodford M. (2010) Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10: 17–30. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.I. (2007) *Selected Works: in 3 vols*. Vol. 3: My Life: Recollections and Reflections. Moscow: ZAO “Ekonomika”. (In Russ.)